

100
главных
книг

БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Перевод с итальянского

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.131.1-1
ББК 84(4Ита)-5
Д 19

Перевод с итальянского *Д. Минаева*
Современная поэтическая редакция *И. Евсы*
Предисловие *В. Татарина*
Примечания *Т. Шеховцовой*
Оформление серии *Н. Ярусовой*

Данте Алигьери.
Д 19 Божественная комедия : поэма / Данте Алигьери ;
[пер. с ит. Д. Минаева]. – Москва : Издательство «Э»,
2015. – 864 с. – (100 главных книг).

ISBN 978-5-699-70210-7

Данте Алигьери (1265–1321) писал поэму «Божественная комедия» четырнадцать лет. Перед величием этого произведения человечество давно благоговейно склонило голову и признало – это творение гения. Автор поэмы представлен в ней как человек, удостоившийся Божьей милости совершить путешествие к Господу через три царства загробного мира – путешествие от мрачного неблагополучия греховности и сомнений к счастью истины и светлого идеала.

УДК 821.131.1-1
ББК 84(4Ита)-5

© Предисловие, современная поэтическая редакция, примечания. ООО «Издательство «Артнет Медиа», 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-70210-7

Содержание

В. Татаринов
Грозный вулкан вдохновения
9

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ
перевод Д. Минаева

Ад
41

Чистилище
273

Рай
499

Примечания
705

ГРОЗНЫЙ ВУЛКАН ВДОХНОВЕНИЯ

Мы шли. Была сначала глубока
Та мгла, что обступала плотным кругом...
Но вот уже расщелина близка.

Протиснулись в нее мы друг за другом.
И я просвет увидел в глубине...
И вдруг, качнувшись в воздухе упругом,

Из мрака звезды просияли мне.

Данте Алигьери. “Божественная комедия”

Данте Алигьери — один из известнейших авторов в мировой литературе. К нему неприменимы сдержанные оценки и осторожные характеристики; он — титан, гений, создатель творений, которые вызывали восхищение, доходившее до поклонения уже среди современников, а в особенности — у последующих поколений. Может быть, нагляднее всего уникальность его личности и таланта сказалась в том, что он, заплатив сполна трагедией собственной жизни дань жестокой и страстной эпохе, сумел создать произведения, которые сформировали итальянский язык в его современном виде, на долгие годы определили пути развития итальянской литературы, а европейскую культуру обогатили немалой толикой бесценных сокровищ, которыми она по праву гордится спустя многие сотни лет.

Данте Алигьери родился в мае 1265 года в древнем городе Флоренция, расположенном в Центральной Италии. Точная дата

его рождения неизвестна; в те времена еще не была восстановлена античная традиция вести подробные записи событий гражданской жизни. Зато известен день, когда Данте был крещен, — 26 марта 1266 года. Столь длительный промежуток времени от рождения до крещения объясняется просто: во Флоренции было принято крестить детей раз в год, в Страстную субботу. Эта пышная и торжественная церемония проходила в одном из центров городской жизни, баптистерии (крещальне) Сан Джованни, впоследствии украшенном всемирно знаменитыми тремя дверями с бронзовыми рельефами, великолепно исполненными Андреа Пизано (1336) и Лоренцо Гиберти (1424 и 1452).

Семья Данте принадлежала к дворянскому роду, хотя особой знатностью и богатством она гордиться не могла. Первый из достоверно известных предков поэта, Каччагвида, родился в 1106 году. Он участвовал в 1147 году в неудачном крестовом походе германского короля Конрада III Штауфена (1093–1152), был в Святой Земле возведен в рыцарское достоинство в награду за храбрость, но, так и не увидев Иерусалима, погиб в сражении с мусульманами.

Жена Каччагвиды происходила из семьи Алигьери (Алагьери), то есть “окрыленных”, и была родом “из долины По”, — очевидно, из города Феррара. Ее фамилия и перешла впоследствии потомкам. Один из ее сыновей, названный Алигьери, был прадедом Данте, а его внук, тоже Алигьери, — отцом поэта.

При рождении мальчик получил имя Дуранте (“претерпевающий”) в честь деда; Данте — это его уменьшительный вариант.

История семьи Данте неотделима от полной бурных и кровавых противоречий политической жизни тогдашней Италии. Ее своеобразие определялось противостоянием двух мощных партий, гвельфов и гибеллинов. Эти названия восходят к боевым кличам, с которыми шли в битву при Вейнсберге в 1140 году армии двух соперничавших между собой немецких княжеских родов, Вельфов и Штауфенов. Странники рода Вельфов выступали под девизом “За Вельфов!”; в латинизированном варианте “Вельфы” звучало как “Гвельфы”. А их противники шли в бой с кликом “За Вайблинген!” — такое название носил швабский замок семьи Штауфенов; в искаженном латинизированном варианте “Вайблинген” превратился в “Гибеллин”.

Борьба между Вельфами и Штауфенами уходила корнями в давнее соперничество из-за власти, в первую очередь в Италии,

между Римскими Папами и императорами Священной Римской империи. Основавшие империю в X веке германские короли были полными хозяевами положения; императорская корона для них имела скорее моральное значение: в глазах обитателей средневековой Европы Римская империя была воплощением единства и порядка в современном цивилизованном мире. “Пока Колизей будет цел, Рим будет жить; когда падет Колизей — падет и Рим, а когда падет Рим, падет и весь мир” — таково было распространенное в Европе представление о величии древней империи.

Кроме того, в сознании средневекового человека, которому древность завещала идею всемирной монархии, сложилось глубокое убеждение в незыблемости связи Римской империи и Католической Церкви. Положение императора и его функции определялись из сравнения власти императорской с властью папской. Император — заместитель Бога на земле в делах светских и защитник Церкви; его власть во всем соответствует власти Папы, отношения между ними аналогичны отношению души и тела. Коронационный церемониал и официальные титулы императора указывают на стремление придать императорской власти божественный характер. Император считался представителем всех христиан. Он — “глава христианского мира”, “светский глава верных”, “покровитель Палестины и католической веры”, превосходящий достоинством всех королей.

Однако германский король-император, хотя и мог номинально назначать Папу по своему усмотрению, не обладал по-настоящему прочной властью в Италии и Риме. В состав могучей империи в X–XI веках входили немецкие земли, большая часть Италии, Бургундия, Богемия, Моравия, Польша, Дания и отчасти Венгрия. Поддержание порядка на столь обширной территории требовало постоянного внимания со стороны властителя; к тому же недальновидная политика некоторых императоров привела к росту сопротивления их власти со стороны отдельных феодальных государств. Для оппозиции было естественным шагом искать союза с Папами.

В свою очередь, Папы, стремясь опереться на силу, которая могла бы противостоять германским королям, обратились за помощью к Франции. Это привело к тому, что Италия надолго превратилась в арену борьбы между двумя могущественными соседями, тем самым значительно ослабив собственные шансы на

объединение страны и самостоятельное разрешение внутренних противоречий.

Внутри Италии противостояние сторонников Папы и императора усугублялось раздробленностью страны, исторически обусловленной отсутствием сильной центральной власти.

В развернувшейся борьбе Папы традиционно выступали за ослабление феодальной зависимости городов от императорского деспотизма, заботясь в то же время об укреплении своей, духовной, власти. Императоры, стремясь подавлять политическую свободу в городских общинах, поощряли свободомыслие и даже еретические настроения, поскольку это служило благодатной почвой для роста оппозиции власти Церкви.

Таким образом, сторонники императоров, гибеллины, чаще принадлежали к родовитой аристократии и были людьми свободомыслящими, но деспотичными в политических вопросах. Гвельфы, поддерживавшие папский престол, были выходцами из народа и относились значительно строже к религиозным вопросам, однако придерживались демократических взглядов в области политики. Учитывая, что и дворянство, и пополаны (*итал.* *popolani*, от *popolo* — народ), то есть выходцы из торгово-ремесленных слоев, не были однородны в своей массе и их политический выбор часто зависел от множества обстоятельств — материального благополучия, расстановки сил в конкретном городе, близости к той или иной общественной группировке, вражды или дружбы с влиятельными представителями власти, — становится понятной крайняя запутанность и непредсказуемость развития политической ситуации в Италии XIII–XIV веков.

В разделении на партии гвельфов и гибеллинов решающую роль сыграл родной город Данте, Флоренция. В глазах современников всему виной была ссора между двумя аристократическими семействами города — Буондельмонти и Уберти, произошедшая в 1216 году. Причиной ее послужило нарушение брачного обещания молодым дворянином из семьи Буондельмонти: он поддался на уговоры Гвальдрады Донати и, очарованный красотой ее дочери, отказался от помолвки с девушкой из семьи Одериги. Семья Донати заплатила положенную пеню, но Одериги решили в отместку изувечить жениха-изменника. В дело вмешалась могущественная семья Уберти, родственники Одериги, и в результате Буондельмонти был убит в день свадьбы. Дерзкое убийство повлекло за со-

бой кровавую цепь ответных посягательств и, как следствие, — разделение горожан на враждующие партии.

Истинные причины вражды лежали, безусловно, гораздо глубже и выглядели не так романтично. Во-первых, дворянская аристократия по старой феодальной традиции была связана с императором вассальными отношениями, а их естественные оппоненты, пополаны, в силу неизбежного хода вещей не могли не выбрать противоположную сторону. Однако переходы из гвельфов в гибеллины и обратно были не таким уж редким явлением и объяснялись прозаическими финансовыми соображениями. И Папа, и император нуждались в крупных займах для ведения бесконечных войн и содержания армии; многие богатые семьи в итальянских городах привыкли извлекать из этого немалую прибыль.

Вопрос был в том, кто из вечных оппонентов заслуживал большего доверия, или, в переводе на современный коммерческий язык, кто из них обладал большей кредитоспособностью. Император мог обеспечить надежное возвращение займов только если он был сильной фигурой, сохраняющей шансы на победу над своими многочисленными врагами. Папа же получал постоянный доход в виде различных отчислений по всей Европе, что не могло не привлекать осторожных и расчетливых флорентийских банкиров.

Соперничество между гвельфами и гибеллинами не ограничивалось кредитно-финансовой сферой и зачастую принимало формы куда более привычных для той эпохи кровной мести, резни или преследований по политическим мотивам, которые, как правило, заканчивались казнью или изгнанием оппонентов, при непременно присвоении победителями их имущества и сносе их городских домов и замков. Во Флоренции это противостояние достигало такой степени ожесточения, что гибеллины, которые при императоре Фридрихе II Штауфене (1194–1250) чувствовали себя очень уверенно, дважды изгоняли гвельфов из города — в 1248 и в 1260 годах.

Предки Данте принадлежали к партии гвельфов, поэтому его дед и отец также были вынуждены нести все тяготы изгнания, общие для всей партии. Однако после повторного возвращения гвельфов флорентийские гибеллины потерпели окончательное поражение, от которого им уже не суждено было оправиться. Их имущество было конфисковано и продано с аукциона, а дома сры-

ты до основания. На месте, где находился замок семьи Уберти, была устроена центральная городская площадь.

О родителях Данте неизвестно почти ничего; сам поэт нигде в своих произведениях о них не упоминает. Он рано потерял мать, отец мальчика умер, когда Данте был совсем еще ребенком. Так же мало известно и о том, где и как он учился; бесспорным фактом остается лишь то, что в своих сочинениях он предстает перед нами обладателем самых разносторонних и глубоких познаний, человеком, который был в курсе всех научных достижений и открытий своего времени.

В “Божественной комедии” Данте тепло отозвался об одном из своих наставников, общение с которым оставило глубокий след в его юной душе. Это был Брунетто Латини (1220–1294), нотариус, гвельф, занимавший должность государственного секретаря республики и другие видные посты, человек, которого неизменно высоко ценили за талант и ученость. Он руководил также образованием Гвидо Кавальканти, лучшего друга Данте и известного поэта той эпохи.

Очевидно, именно с общения с Брунетто Латини началось энциклопедическое и классическое образование Данте. Он познакомился с мифами об Эдипе и Фивах, циклами сказаний о Трое и Энее, “Метаморфозами” Овидия, средневековыми историями о Карле Великом, о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Но греческий язык, не входивший тогда в круг преподавания, Данте, как и многие его современники, знал плохо и часто путался в цитатах.

Друзья молодости Данте — это живописцы, музыканты, поэты и вообще люди искусства. Например, Каселла, известный певец того времени, был, по-видимому, очень дружен с Данте: даже в “Чистилище” Каселла, встретившись с поэтом, заверяет его в своей дружбе и преданности, а Данте вспоминает о его пении, которое “утоляло в нем всякие горести”. Данте был также дружен с художником Чимабуэ, с известным в то время миниатюристом Одеризи и с Джотто, реформатором итальянской живописи. Сохранился прекрасный портрет молодого Данте работы Джотто на стене часовни Дель Подеста во Флоренции, написанный, вероятно, между 1290 и 1295 годами.

Среди близких друзей Данте были в разное время поэты Лапо Джанни, Чино да Пистойя и в особенности Гвидо Кавальканти. С Чино да Пистойя, известным юристом, одним из лучших лириков

того времени и впоследствии учителем Петрарки, Данте, вероятно, сблизился позже, во время своего изгнания. Основатель новой флорентийской поэтической школы, непосредственный предшественник и лучший друг творца “Божественной комедии”, Гвидо Кавальканти был уже известным поэтом в то время, когда Данте делал только первые шаги в литературе. В личности Гвидо Кавальканти рыцарские качества флорентийского воина-дворянина сочетались с любовью к науке; его считали глубоким мыслителем. Он открыл путь к усовершенствованию поэтического языка и обогатил лирику новыми сюжетами и мотивами.

Однако для самого Данте определяющую роль в его дальнейшей судьбе поэта и мыслителя сыграло не полученное образование и не круг общения, а возвышенное и страстное чувство к Беатриче, впервые робко постучавшееся в его душу в еще юном возрасте и с тех пор неизменно озарявшее высоким светом гармонии, добра и истины его нелегкий жизненный путь.

Важнейшее событие всей жизни Данте произошло, когда ему было девять лет. Отец взял его с собой на весеннее празднество в дом богатого флорентийца Фолько Портинари. Там мальчик увидел дочь хозяина, Беатриче, девочку лет восьми. Юный ангел предстал перед ним в одеждах пурпурного оттенка, с поясом и украшениями; для Данте эта девочка впоследствии стала владычицей духа. “Она показалась мне, — писал поэт, — скорее дочерью Бога, нежели простого смертного... С той самой минуты, как я ее увидел, любовь овладела моим сердцем до такой степени, что я не имел силы противиться ей и, дрожа от волнения, услышал тайный голос: “Вот божество, которое сильнее тебя и будет владеть тобою”.

Дома Алигьери и Портинари были расположены почти рядом, поэтому будущий великий поэт и его несравненная Муза могли часто встречаться и играть, как и подобает детям в их возрасте, но не этим встречам было суждено пробудить могучий поэтический дар Данте.

Прошло почти девять лет, когда восемнадцатилетнему Данте предстало новое явление Беатриче. Они находились в самой цветущей поре юности; а он был уже достаточно образован, чтобы обуздать вихрь своих впечатлений и облечь его в рифмы и образы. На сей раз Беатриче была вся в белом. Она шла по улице в сопровождении двух женщин постарше; подняв на него взор, Беатриче,

благодаря “неизреченной своей милости”, поклонилась ему так скромно-прелестно, что поэт ощутил “высшую степень блаженства”. Опыненный восторгом, он уединился в своей комнате; там, погруженного в мечты о возлюбленной, его и сморил сон. Проснувшись, Данте изложил его в стихах. Это – аллегория в форме видения: Любовь держит в руках сердце поэта и некую “уснувшую и укутанную вуалью даму”. Спутник Любви, Амур, будит даму, вручает ей сердце Данте и в слезах удаляется.

Этот сонет восемнадцатилетнего Данте, в котором он обратился к собратьям-поэтам, спрашивая у них объяснения своему сну, привлек к нему внимание многих ценителей изящного слова, и в первую очередь – Гвидо Кавальканти, от души поздравившего юношу с успехом. Так началась их многолетняя дружба.

Уже в первых сонетах и канцонах, окружавших ярким сиянием и поэтическим ореолом образ Беатриче, Данте превзошел современников силой поэтического дарования, образностью языка, а также искренностью, серьезностью и глубиной чувства.

Для молодого Данте наступило время расцвета. Он стал самостоятельным человеком и начал вести светскую жизнь. Во Флоренции тогда еще царило безмятежное спокойствие – гибеллины были окончательно побеждены, а распри между гвельфами еще не начались. Наставником молодого поэта стал старший собрат по перу и вместе с тем первый кавалер города Гвидо Кавальканти, поэтому в развлечениях недостатка не было: охота, музицирование, танцы, шумные празднества и, разумеется, дамское общество.

Сердце Данте принадлежало Беатриче, однако светские приличия требовали, чтобы поклонение даме облекалось в куртуазную форму, благосклонно принимаемую в обществе. В частности, воспевание объекта обожания в стихах или публичные страдальческие вздохи в ее адрес не должны были выходить за рамки галантного и безобидного ухаживания и уж ни в коем случае не предполагали искреннюю страсть – отклонение от этого правила могло вызвать у всех, по меньшей мере, чувство неловкости.

Случай помог поэту направить окружающих по ложному следу: однажды в церкви он, как всегда, украдкой поглядывал на Беатриче, однако дама, стоявшая на пути его пламенных взоров, приняла их на свой счет; некоторые из прихожан подумали то же самое. Данте такая идея, в целом, понравилась: чувство к Беатриче было слишком возвышенно и затрагивало самые интимные

струны его поэтической души; сделав официальным предметом обожания “даму-ширму”, он находил безопасное приложение своему горячему темпераменту и одновременно надежно защищал от досужего любопытства свои истинные чувства.

“Дама-ширма” с удовольствием принимала ухаживания, как и посвящаемые ей стихи. Эта приятная и необременительная связь длилась несколько лет; затем дама уехала “в далекие края”. Данте, почувствовав образовавшуюся пустоту, вначале попытался, как и прежде, заполнить ее одной Беатриче. Когда у нее умерла подруга, он написал для возлюбленной два утешительных сонета.

Тем не менее вскоре была подыскана другая “ширма”. Судя по всему, на этот раз поэт не на шутку увлекся “отвлекающим маневром”. Начались пересуды; по-видимому, эти слухи и недомолвки, вопреки всем канонам куртуазной игры в любовь, вызвали ревность Беатриче, которая при очередной встрече с Данте не ответила на его поклон.

Случившееся потрясло поэта настолько, что он порвал со своей “ширмой” и всем сердцем устремился к оскорбленной им Беатриче; в результате перенесенного потрясения его поэзия разом достигла новой, невиданной доселе силы страсти, чувства и искренности. Именно благодаря Беатриче, как признавался Данте, он перестал быть обыкновенным человеком. “У меня не было другого учителя в поэзии, кроме себя и самой могучей наставницы — Любви”.

В январе 1287 года Беатриче вышла замуж за Симона деи Барди. Это замужество — одно из самых загадочных обстоятельств в истории взаимоотношений поэта и его возлюбленной с точки зрения современного человека. Данте, насколько известно, даже не добивался руки и сердца Беатриче, ограничиваясь исключительно воспеванием возлюбленной и поклонением ей.

Под оболочкой светского молодого человека и ученого у Данте билось чистое юное сердце, склонное к обожанию и отчаянию; он был одарен пламенным воображением, возносившим его высоко над землей, в царство Мечты. Его чувство к Беатриче отличалась всеми признаками первой юношеской любви: это духовное, безгрешное поклонение женщине, а не страстное влечение к ней.

Беатриче была в глазах Данте скорее ангелом, чем женщиной из плоти и крови; словно на крыльях, неслась она над этой грешной землей, едва соприкасаясь с ней, чтобы снова возвратиться в